

0: ПАМЯТИ ЛЕШЕКА КОЛАКОВСКОГО

Кончина профессора Лешека Колаковского — огромная потеря не только для поляков (он родился в Радоме в 1927 г.) или англичан (он умер в Оксфорде, где несколько десятков лет преподавал в All Souls College). И не только для любителей философии. Мы лишились одного из тех настоящих, то есть никем не назначенных авторитетов, к которым может обратиться каждый. Мы потеряли мыслителя, который ставил перед собой незаурядные, нематериальные, и в то же время важные для любого мыслящего человека проблемы: вопросы о смысле жизни, о значении таких понятий, как «добро» и «зло», «бесконечность», «закон». А также о необходимости придерживаться принципов лояльности и терпимости в отношениях с другими... Колаковский старался дать этим проблемам ясное выражение. Его необычайная эрудиция давала ему то, что среди других философов очень редко: простоту без простоватости и остроумие без недооценки важности затрагиваемой проблемы.

Он всегда хотел быть активным членом общества. И вовсе не стремление сделать карьеру или принуждение привели его сразу после войны в коммунистическую партию. Мы познакомились как молодые участники движения — объединенные иллюзией, что даже в условиях, навязанных нашей стране в Ялте, можно будет оказывать такое воздействие на судьбы Польши, чтобы наша жизнь не приобрела тех форм, которые познали люди в СССР под железной дланью Сталина. Немудрено, что Колаковский быстро стал первым из так называемых ревизионистов. Мы с ним считали, что удастся отремонтировать машину социализма, уже лишенную двигателя, зато оснащенную мощными тормозами, руль которой находился в Москве. Колаковский был первым, кто показал безнадежность этой затеи в десятилетие после быстро свернутой оттепели 1956 года.

Он уже тогда был автором таких замечательных работ, как «Религиозное сознание и Церковь» или «Разговоры с дьяволом». Но главные его труды были созданы в эмиграции: «Существование мифа», «Ужас метафизики», а также трехтомные «Главные течения марксизма» — революционное исследование, которое, с одной стороны, привело к упразднению положений важнейшей политической гипотезы нашего времени, а с другой — вызвало бешеный протест левацких некрофагов марксизма на Западе. Колаковский пренебрегал как похвалами, так и нападками — и обустроился в Оксфорде. Там проявились его пытливость и трудолюбие, которые сделали его мыслителем, достойным славы гения. Несмотря на мучивший его с детства костный туберкулез, он неустанно работал: преподавал, писал, а то, что им сказано и написано, удивляет живостью и глубиной, которые сделали его, пожалуй, крупнейшим из современных философов. Когда он приезжал в Польшу, большой зал Ягеллонского университета не мог вместить всех желавших его услышать. Кстати, то же самое происходило и в американских университетах.

Ежи Маркушевский, некогда блистательный режиссер Студенческого театра сатириков (название которого не отражает всей его серьезности), снял цикл фильмов-монологов Колаковского, ставший единственным в своем роде, поразительным по форме и содержанию очерком истории философской мысли. Необычайные по своей краткости книжечки Колаковского о вопросах, которые ставили нам великие философы, в Польше многие собирают как сокровища. Понимание необходимости разрешить загадку бытия как насущную человеческую потребность подсказало ему (когда-то знаменосцу атеизма) признать роль и значение религии, хотя сам он ни к какой церкви или конфессии примыкать не хотел. Знаменитый католический «Тыгодник повсехный» посвятил ему целый номер (26 июля 2009).

Среди немногих вещей, которыми автор этих строк смеет гордиться, — многолетняя дружба с Лешек Колаковским и публичная его защита в 1966 г., когда Колаковского изгнали из партии и вынудили эмигрировать.

Редакция «Новой Польши» гордится тем, что Колаковский у нас печатался и давал интервью. Мы рекомендуем читателю обратиться к обширной литературе о Колаковском и русским переводам его трудов, а в этом номере публикуем лишь последние его произведения: две философские миниатюры, исполненные, как всегда, мудрости и остроумия. Этот краткий катехизис интеллигента стоит запомнить. Колаковский не был типичным польским интеллигентом, ибо воплощал в себе только достоинства интеллигенции, без ее пресловутых пороков. Но он был для каждого интеллигента примером того, каким тот может стать.

1: ПОЛНАЯ И КРАТКАЯ МЕТАФИЗИКА. ИНОЙ НЕ БУДЕТ. ИНОЙ НЕ БУДЕТ.

Четыре краеугольных камня дома, в котором, выражаясь патетически, обитает человеческий дух. Вот они:

Разум

Бог

Любовь

Смерть.

Своды дома — это Время, самая повсеместная и самая загадочная действительность в мире. С рождения время кажется нам самой обычной и привычной реальностью. (Что-то было — и прошло. Было одним — стало другим. Что-то случилось вчера или только что — и уже никогда, никогда не вернется.) Поэтому время — реальность самая обычная, но и самая ужасающая. Четыре вышеназванных действительности — вот средства преодоления нами этого ужаса.

Разум служит, чтобы открывать вечные истины, неподвластные времени. Бог, или абсолют — это та сущность, для которой нет ни прошлого, ни будущего, которая всё заключает в своем «вечном теперь». Любовь, в ее горячем переживании, тоже избавляется от прошлого и будущего, она — концентрированное, исключительное настоящее. Смерть же — конец той темпоральности, в которую мы были погружены в течение нашей жизни, и, возможно, как мы догадываемся, выход в другую темпоральность, о которой мы ничего не знаем (почти ничего). Все эти основы нашего мышления суть инструменты, с помощью которых мы спасаемся от ужасающей действительности времени и с помощью которых мы можем временем воистину овладеть.

2: ОДИННАДЦАТЬ ЗАПОВЕДЕЙ ИНТЕЛЛИГЕНТА

Это значит, что существует класс образованных людей, которые заняты не только своими профессиональными заботами, но и, кроме того, активно интересуются общими делами, делами своей страны, а также Европы и мира.

Конечно, они не обязаны быть политически активными, устно или письменно выносить свое суждение о мире на общий суд, деятельно участвовать в жизни каких-либо партий или политических организаций.

Но они стремятся каким-то образом быть причастными к созиданию общего блага и хотят, чтобы их профессиональные способности были не только свидетельством мастерства, но и вкладом в это общее дело.

Настоящий интеллигент хочет быть участником общей жизни своего народа и человечества и подтверждать это участие тем, что он знает и умеет.

Я не знаю, сколь многочисленна в Польше популяция, отвечающая этим критериям, но она существует и осознаёт свою самость. Если бы у нас среди образованных людей были только те, кто благодаря своему образованию добывает себе средства для сносной жизни и больше ни о чем не печется, то в Польше не было бы интеллигенции, а политическая ангажированность образованных людей стала бы одним из многочисленных умений, которыми можно всюду воспользоваться, не думая ни о чем, кроме собственных жизненных благ и карьеры. Политическими партиями часто руководят интеллигенты, но есть и партии, которые интеллигенцию ненавидят, и во главе таких партий интеллигенты не стоят.

I

Вот первая из одиннадцати заповедей интеллигента: не уставай думать о делах общей жизни и рассматривай свою профессиональную деятельность как сопричастность к этой жизни, в соответствии с твоими соображениями, как исправить или улучшить этот мир.

II

Вторая заповедь: если считаешь себя левым или правым, сумей, когда тебя спросят, четко объяснить, что это значит.

III

Третья заповедь: если считаешь, что деление на левых и правых в наше время утратило смысл, тоже будь готов разъяснить свое суждение.

IV

Четвертая заповедь: если уж приходится публично лгать, всегда помни, чт? из твоей лжи легче всего разоблачить.

V

Пятая заповедь: не компрометируй себя, приписывая другим какое-либо суждение, если не можешь привести цитату из их высказываний.

VI

Шестая заповедь: если считаешь, что все, кроме тебя, подлецы и негодяи, то все же не заявляй этого публично, ибо на пользу это тебе не пойдет.

VII

Седьмая заповедь: читай как можно больше книг своим маленьким детям.

VIII

Восьмая заповедь: возлюби различные мысли, которые ты узнал от писателей или философов.

IX

Девятая заповедь: читай поэтов, слушай классическую музыку.

X

Десятая заповедь: всегда помни, в чем ты можешь оказаться смешон.

XI

Одиннадцатая заповедь: ты можешь быть католиком, или буддистом, или принадлежать еще к какому-то вероисповеданию, можешь быть, что называется, неверующим — и не утратить в связи с этим своей принадлежности к миру интеллигенции. Однако ты не должен утверждать, что твоя вера или неверие столь же прочно обоснованы, как знания, например из химии или геологии.

* * *

Ты должен придерживаться всех этих заповедей, если хочешь относиться к интеллигенции. Но, разумеется, ты вовсе не обязан стремиться быть интеллигентом.

3: ЛЕШЕКУ КОЛАКОВСКОМУ...

Проф. Януш Кучинский, запись в книге соболезнований,

по «Газете выборчей», 29 июля:

Лешеку Колаковскому — мэтру, который наделил философию силой и надеждой.

Мацей Войтышко, режиссер,

«Жечпосполита онлайн», 17 июля:

Помню, как все мы на философском факультете любили его лекции, он был потрясающим преподавателем. Мы пожирали, впитывали его тексты, знали их и подряд, и вразбивку. [На одной из последних его встреч перед отъездом за границу] народ толпился, висел чуть ли не на стенах. Профессор говорил о том, как, даже питая благие намерения, можно тяжко согрешить. Но ведь мы все знали, что его лекция носит политический характер, что говорил он о тоталитарных системах, о коммунизме.

Ян Литинский, политик, в прошлом активист оппозиции в ПНР,

«Дзенник онлайн»:

Лешек Колаковский — самый важный автор в моей жизни. По его книгам и текстам, написанным в 50-е годы, мое поколение в 60-х училось такому стилю мышления, который отвергает всякие догмы и показывает, что каждая идея, не поддающаяся проверке, приводит к абсурду. Колаковский провел также углубленную критику своей собственной позиции и ее перемен. На его пути, начинавшемся с увлечения коммунизмом и марксизмом, характерного, впрочем, для многих тогдашних интеллигентов, мы на каждом шагу получаем тексты, обосновывающие очередные этапы его жизни. Он никогда не пытался скрывать свое отравление сталинизмом. И то, каким образом он документально запечатлел свою перемену, завораживает.

Александр Смоляр, президент Фонда им. Стефана Батория,

«Дзенник», 18-19 июля:

Пожалуй, важнее всего для развития современной общественной сцены в Польше были опубликованные Колаковским в начале 70-х «Тезисы о надежде и безнадежности», в которых он окончательно и бесповоротно порывал с теорией детерминизма.

Там ясно и отчетливо писалось, что все мы способны влиять на дальнейшие судьбы своей страны, на ее счастье и свободу, и только от нас, а не от какой-то высшей силы зависит, чт? с нею произойдет. Безусловно, это способствовало формированию идей рождавшейся именно тогда демократической оппозиции.

Ганс Лемберг, известный немецкий историк,

«Жечпосполита онлайн», 17 июля:

Лешек Колаковский был едва ли не самым подлинным, самым услышанным и оцененным в Германии критиком марксизма. На его текстах воспитались поколения немецких философов, историков и политологов. Мы ценили его анализ, потому что он выходил из-под пера мыслителя, превосходно знающего реалии марксистской системы.

Славой Жижек, словенский философ,

«Газета wyborcza», 29 июля:

Колаковский — это первый и до сих пор самый лучший критик изолгавшихся западных левых. Поражение западных левых заключалось в том, что они не сумели найти общего языка с восточноевропейскими диссидентами.

Проф. Гезине Шван, философ, политик Социал-демократической партии Германии, уполномоченная правительства ФРГ по вопросам польско-немецких отношений,

«Газета wyborcza», 18-19 июля:

Европе он оставил свое сведение счетов с марксизмом, а также свои размышления о религии. Он был поборником терпимости и борьбы с абсолютизмом в каком угодно его виде. И писал, что люди должны быть непоследовательными, потому что это по-человечески. Вместе с тем он предостерегал, что тотальная последовательность ведет к преступлению. Такой урок он извлек из истории Европы в XX веке, и такой урок Европа должна запомнить.

Тадеуш Мазовецкий, первый премьер-министр некоммунистического правительства,

«Газета wyborcza», 21 июля:

Для широкой общественности Лешек Колаковский — это в первую очередь тот мыслитель, который, порвав с марксизмом, произвел его сокрушительный интеллектуальный разбор и демонтаж в своем монументальном, эрудированном труде «Главные течения марксизма». Полагаю, однако, что чем дальше, тем большее значение в его интеллектуальном наследии будут приобретать другие сферы его интересов, в том числе как раз христианство, для которого он стал в нынешние времена интеллектуальным партнером, имеющим незаменимое значение. В том числе и партнером критическим.

Его лапидарная формулировка о том, что Церковь должна понимать, что коммунистическая система плоха не потому, что она атеистическая, а потому, что она тоталитарная, — поставила демократическую оппозицию и Церковь на одну и ту же почву в нашей борьбе за свободу. Колаковский был прежде всего антитоталитарным мыслителем. Вместе с тем он отвергал замену одной утопии другой, какой бы окраски она ни была. Знаменательна и характерна здесь его формулировка, говорящая о саморазрушительных свойствах, которыми обладают также и свобода, и демократия.

Ян Турнау, журналист,

«Газета выборча», 30 июля:

Чтобы убедиться в существовании Бога, мне хватит слов Колаковского, что неверующего не убедят никакие аргументы, но без принятия этой гипотезы рушится всё: нравственность, человеческое достоинство, даже всякая возможность познания. Для меня это больше, чем целые библиотеки апологетов, чем армии проповедников, чем гордая уверенность моей Церкви. Для миллионов он сверг марксизм, для меня — укрепил католицизм.

Фернандо Саватер, испанский философ,

«Газета выборча», 18-19 июля:

Колаковский не только настойчиво внушает свои мысли — он заставляет людей думать.

Свящ. Адам Бонецкий,

«Тыгодник повшехный», 26 июля:

Думаю, что для многих людей моего поколения он был спутником в важнейшем странствовании их жизни — странствовании по путям веры. (...) И хотя мне известны католические философы, которые никогда не приняли мыслей Колаковского, но я знаю также, что есть много верующих, для которых, как и для меня, он был мастером критического мышления об этих вопросах.

Збигнев Менцель, прозаик и публицист,

«Газета выборча», 18-19 июля:

Он был из рода Сократа, который повторял: я знаю, что ничего не знаю.

Проф. Барбара Скарга, философ,

«Газета выборча», 29 июля

Всё, что он писал, — будь то сказка для детей, эпиграмма или трактат — насыщено светом, который делает целиком понятным весь текст. Писал ли Колаковский об истории, о политике, об обществе, о религии или о культуре — потому что он все-таки неизменно писал прежде всего о культуре, — насмеялся ли, шутил или был серьезен, свои мысли он всегда формулировал так, что читатель постоянно наталкивался на фразы, которые удивляли меткостью, ибо затрагивали самую суть дела, придавали ей смысл. (...)

Путь, по которому шел Лешек, — это по существу путь выступления на стороне ценностей, на стороне того, что наносить обиды — это самое страшное, что этого ни в коем случае нельзя допустить, что всё остальное не имеет такого уж огромного значения.

Проф. Зигмунт Бауман, социолог,

«Газета выборча», 29 июля:

В каждом очередном произведении Колаковского был слышен треск очередного раздираемого занавеса, заслоняющего зрение (используя иносказательное выражение Кундеры), или звук очередного лопнувшего корсета, душащего мысль (пользуясь метафорой Хабермаса). После Колаковского мир и как предмет созерцания, и как объект действия выглядит для нас иначе, чем тот мир, который застал Лешек. И немало из того, что изменилось в нашем взгляде на мир и на себя, без Лешека не изменилось бы.

Лешек Колаковский прошел через мир, оставляя в нем следы несдираемые и нестираемые. Ценности, которые он создал или же извлек из мрака забвения либо небрежения, отряхнул от пыли и очистил от налета старины, сегодня составляют часть нашей жизни — часть неотъемлемую, без которой ни описать, ни даже представить себе эту жизнь невозможно.

Бронислав Бачко, Кишиштоф Помян, философы,

«Газета wyborcza», 20 июля:

Поставить в центр внимания принципиальный для самого существования философии, а вместе с нею этики и культуры, вопрос о ее автономии перед лицом коллективных верований и науки и объединить его с вопросом о границах свободы и разума — вот чем определяется исключительное место Лешека Колаковского в общественной мысли XX столетия. Это и принесло ему международную известность. И этим же прочно определяется его место в истории философии.

Мария Змарз-Кочанович, автор документального фильма «Профессор. О Лешеке Колаковском»,

«Жечпосполита онлайн», 17 июля:

Мы вместе совершили необычайное путешествие. Побывали в местах, которые он помнил с детства, с ранней молодости, со времен войны. Лешек Колаковский с теплым чувством возвращался к былым, даже очень трудным годам.

О прошлом он рассказывал блистательно и с юмором. У него была исключительная способность к контактам с людьми. Независимо от того, кем они были — его близкими друзьями или же прохожими, встреченными на улицах его родного Радома. Он был открыт миру, чрезвычайно интересовался им.

Тимоти Гартон Эш, профессор европеистики Оксфордского университета,

«Газета wyborcza», 29 июля:

Не каждый крупный мыслитель бывает вдобавок милым и добрым человеком. Но таким — и даже больше того — был Лешек Колаковский. Он был гением дружбы. Он был полон тепла и чудесного, безбрежного чувства юмора, мягкой иронии, сочетавшейся с литературно-философским воображением большого писателя, полной интеллектуально-нравственной честностью и немалым аппетитом к жизни.

Адам Михник, главный редактор,

«Газета wyborcza», 18-19 июля:

Он был человеком ренессансного размаха и большой христианской скромности. Он учил жить с достоинством, жить без ненависти; учил терпимости и мужеству; учил смирению перед ценностями и несмирению с гнетом; гнушался ложью и подлостью, но умел прощать.

Яцек Бохенский, писатель,

«Газета wyborcza», 30 июля:

А ведь он не был никаким формальным авторитетом — лидером, законодателем, иерархом какого бы то ни было обряда, сановником, — он был только философом, писателем, гражданином. Я бы сказал, что он сконцентрировал в себе опыт и понимание дьявольского характера эпохи, не оставляя сомнения в том, что дьяволятина — это дьяволятина, но и обращая внимание на другой, более глубокий вопрос: а может ли дьявол быть спасен.

4: РЕДАКТОР ДОЛЖЕН БЫТЬ ДИКТАТОРОМ.

— С вами обычно беседуют о политике, а я хотел бы поговорить о литературе — и в вашей жизни, и на страницах «Культуры». Что, впрочем, наверное часто было одним и тем же. Меня соблазняет мысль начать с самого начала. Какие книги вы читали в детстве и юности?

— Весьма нетипичные для моего возраста. Годы моего детства выпали на нелегкий военный период. Я жил тогда между Минском и Москвой, в связи с чем воспитательный контроль над моей особой был сравнительно слабый. Поэтому и мое чтение не особо контролировалось. Довольно часто я болел и тогда лежал в комнате, где стояли книжные шкафы. Я вытаскивал из них что под руку попадет. Некоторые книги, например Тетмайер или всякие рассказы эротического характера, вовсе не обязательно предназначались читателю моего возраста. Помню, когда я вздумал на прогулке блеснуть перед родителями своей эрудицией и начал рассказывать о прочитанном, это вызвало легкий ужас всех, кто меня слышал.

— А к какой книге вы были бы готовы вернуться и сегодня?

— Может, это прозвучит забавно: «В пустыне и пуще» Сенкевича. Первый раз я читал ее в Москве по-польски, и книга произвела на меня довольно сильное впечатление — это тем существенней, что подавляющее большинство книг я читал по-русски. Может быть, именно поэтому она мне так запомнилась.

— В юности вы уже читали на нескольких языках? В вашей среде детей довольно рано обучали языкам, например французскому...

— Нет, к сожалению нет. У меня вообще нет дара к языкам, поэтому практически я владею только русским, да и то, несмотря на постоянное чтение, говорить мне довольно трудно.

— А как выглядел круг вашего чтения при повзрослении, в момент, когда происходит эстетический выбор? Обычно все проходили через увлечение «Скамандром»